

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

DOI: 10.31857/S086919080024249-0

СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ СИРИЯ (ДЖАЗИРА)
В КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ФРАНЦИИ В 1936–1938 гг.¹

© 2023

А.М. ФОМИН ^а^а – МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва
ORCID: 0000-0002-9287-2476, almif@list.ru

Резюме: Статья посвящена политике Франции в отношении своей подмандатной территории – Сирии во второй половине 1930-х гг. Заключение осенью 1936 г. правительством Народного Фронта франко-сирийского договора, предполагавшего скорое прекращение мандата и предоставление через три года независимости стране, на время (1937–1938) сделало Сирию практически автономным государством со своими законами и органами власти. Роль мандатных властей в жизни страны была сведена к минимуму. Договор знаменовал собой временный отход Франции от прежней политики поддержки национальных и религиозных меньшинств для противодействия арабскому национальному движению. Возникшее вскоре недовольство в районах компактного проживания меньшинств грозило подорвать единство будущего сирийского государства и в то же время давало прекрасные «козыри» в руки противников договора в самой Франции. Французская «колониальная партия» добивалась как минимум серьезного пересмотра его условий, а как максимум – его полной отмены. В центре внимания автора – ситуация вокруг Джазиры, северо-восточного региона Сирии, где этноконфессиональная ситуация была особенно сложной. Летом 1937 г. там возникло «сепаратистское» движение против властей Сирийской республики, что привело политическому кризису и кровопролитным столкновениям. Они были использованы «колониальной партией» для пропагандистской кампании против заключенного «марксистами» договора, кульминацией которой стал помпезный визит сиро-католического прелата кардинала Таппуни в Париж в ноябре 1937 г. Мандатные власти в Сирии, следуя установкам из Парижа, старались оказывать сдерживающее воздействие на «сепаратистов», внешне придерживаясь буквы и духа договора. В то же время правительство Франции, пришедшее к власти после падения кабинета Блюма, использовало «сепаратистский» фактор чтобы добиться от сирийского правительства пересмотра условий договора в свою пользу, без большого сожаления жертвуя этой «картой» для совершения сделок с сирийскими лидерами по другим вопросам.

Ключевые слова: Франция, Сирия, мандат, договор, колониализм, национализм, независимость, меньшинства.

Для цитирования: Фомин А.М. Северо-восточная Сирия (Джазира) в колониальной политике Франции в 1936–1938 гг. *Восток (Oriens)*. 2023. №. 3. С. 113–126. DOI: 10.31857/S086919080024249-0

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии. Грант № 20–59–18007.

NORTHEASTERN SYRIA (JAZEERA) IN THE COLONIAL POLICY OF FRANCE IN 1936–1938²

© 2023

Alexander M. FOMIN ^a

^a – Lomonosov Moscow State University
ORCID: 0000-0002-9287-2476; almfif@list.ru

Abstract: *The article is dedicated to the French policy towards Syria, its mandated territory, in the second half of the 1930s. In the autumn of 1936, the French Popular Front government concluded the Franco-Syrian treaty, which implied imminent termination of the Mandate and independence of Syria. It was an obvious departure from France's traditional policy of supporting national and religious minorities against the Arab national movement. For two years (1937–1938) Syria has been a practically autonomous state, the role of the Mandate authorities was reduced to a minimum. The discontent soon arose in the areas densely populated by minorities. It threatened the unity of the Syrian state and gave French opponents of the Treaty excellent "trump cards". The "colonial party" sought at least to revise, and at most – to cancel it. The author focuses on the situation in Jazeera, the northeastern region of Syria with especially complicated ethno-confessional situation. In the summer of 1937, the "separatist" movement against the Syrian authorities led to a political crisis and bloody clashes. The "colonial party" used it in a propaganda campaign against the Treaty which they said to be "concluded by the Marxists", culminating in a pompous visit of the Syro-Catholic prelate Cardinal Tappouni to Paris in November 1937. The Mandate authorities tried to exert a deterrent effect on the "separatists", ostensibly adhering to the letter and spirit of the Treaty. The new French government used the "separatist" factor to make the Syrians renegotiate the terms of the Treaty, easily sacrificing this "card" to make deals on other issues.*

Keywords: France, Syria, mandate, treaty, colonialism, nationalism, independence, minorities.

For citation: Fomin A.M. Northeastern Syria (Jazeera) in the Colonial Policy of France in 1936–1938. *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 3. Pp. 113–126. DOI: 10.31857/S086919080024249-0

Со времен древнего Рима неизменным принципом имперского управления было выражение «разделяй и властвуй». Колониальные империи европейских держав многократно доказывали его актуальность в условиях нового времени. Роль колониальной власти как «внешнего арбитра» в местных национальных, религиозных и просто клановых конфликтах неизменно преподносилась как важнейшая составляющая «бремени белого человека» и «цивилизаторской миссии» западных держав. Это не значит, что подобные конфликты не имели подлинной исторической и культурной основы и вызывались лишь «подстрекательством» колонизаторов. Они, как правило, использовали в своих интересах существовавшие ранее противоречия, неизбежно обострившиеся при колониальной модернизации. Мы попытаемся проанализировать один из таких конфликтов, который незадолго до Второй мировой войны сыграл значительную роль в судьбе Сирии – одного из подмандатных владений Франции. Речь пойдет о ситуации в Джазире – северо-восточном регионе страны с весьма пестрым этническим составом населения.

² The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research and the National Science Foundation of Bulgaria. Grant #20-59-18007.

Эта тема остается недостаточно изученной. Наиболее полным изложением фактической стороны дела остаются короткие параграфы в обобщающих работах британских авторов С. Лонгригга [Longrigg, 1972, p. 247–251] и Ф.С. Хури [Khoury, 1987, p. 525–534]. Во Франции в последнее время очень вырос интерес к истории ближневосточных мандатов [France, 2002; De Wailly, 2010], но специфическая ситуация в Джазире затрагивается историками лишь мимоходом. Из специальных работ можно назвать лишь статью Ж.Т. Горгаса [Gorgas, 2010], где основное внимание уделено социально-экономическим истокам кризиса в Джазире, а не его месту в политике Франции. В отечественной историографии единственной работой остается небольшая статья В.П. Ранчинского [Ранчинский, 1998], которая с точки зрения фактического материала основана почти исключительно на книге Ф.С. Хури. Всё это, а также несомненная актуальность проблемы (северо-восточный регион играет огромную роль в современных событиях в Сирийской Арабской Республике) делает целесообразным новое обращение к истории этого конфликта.

После Первой мировой войны Франция получила мандаты Лиги Наций на Сирию и Ливан. Согласно статье 22 Устава Лиги, целью мандатного управления провозглашалась подготовка соответствующих стран к независимости, и державы-мандатарии не могли полностью игнорировать это условие. История французского управления в «Странах Леванта» была чередой постоянных колебаний между «закручиванием гаек» и конституционными экспериментами. Конституция Ливана была принята в 1926 г, Конституция Сирии – в 1930 г., но к середине 1930-х гг. оба документа практически не действовали (см. подр.: [France, 2002, p. 35–71]). Самой серьезной попыткой Франции найти компромисс с национальными лидерами Сирии и Ливана стало подписание осенью 1936 г. правительством Народного Фронта договоров с этими двумя странами, предполагавших предоставление им независимости и вступление в Лигу Наций через три года. В результате на месте подмандатного Государства Сирия возникла Сирийская Республика, находившаяся в «переходном периоде» к получению полной независимости. Ее возглавили лидеры созданной еще в 1927 г. партии Национальный блок – президент Хашим аль-Атаси и премьер-министр Джамиль Мардам.

Задержки и постоянные «откаты» на пути к расширению самоуправления Сирии и Ливана во многом объяснялись активностью французской «колониальной партии». Это была неофициальная «группа давления», возникшая еще в конце XIX в. [Andrew, Kanya-Forster, 1974]. В ее составе имелась заметная фракция – «сирийская партия», включавшая предпринимателей, политиков, военных, католических клириков, ученых, публицистов и журналистов, заинтересованных в ближневосточном направлении французской экспансии. «Колониальная партия» сразу начала активную борьбу против ратификации и воплощения в жизнь договоров 1936 г, видя в них отражение «марксистских принципов» деятелей Народного Фронта. Ярким проявлением пропагандистской борьбы вокруг франко-сирийского договора стала полемика между двумя писателями лауреатами Гонкуровской премии братьями Жеромом и Жаном Таро [Tharaud, 1937; Tharaud, 1938] и анонимными авторами брошюры, выпущенной в Дамаске от имени «Арабского национального управления исследований и информации», под названием «Сирия 1938» [Syrie 1938]. Часть ее тиража была доставлена в Париж и роздана депутатам Национального Собрания.

Одним из главных мотивов в пропаганде «колониальной партии» стало «предательство» левым французским правительством интересов национальных и религиозных меньшинств Сирии. Авторы не жалели резких слов по поводу присоединения к Сирии ранее «самостоятельных» областей друзов и алавитов (Джебель Друз и Латакия), что несло угрозу «угнетения» представителей этих шиитских сект со стороны суннитского большинства. Большое внимание уделялось судьбе Александреттского санджака, которым уже в сентябре 1936 г.

официально заинтересовалась Турция именно в связи с франко-сирийским договором и будущим предоставлением независимости Сирии [см. напр. Longrigg, 1972, p. 237–243; Khougy, 1987, p. 494–514]. Однако излюбленным сюжетом стал регион на северо-востоке Сирии, известный как Джазира.

Термином Джазира (от араб. «остров») именовалась сирийская часть исторической Месопотамии к востоку от р. Евфрат, из-за своих очертаний прозванная французами «Утиный клюв» (*Bec de canard*). Чаще всего речь шла о «Верхней Джазире» – территории в верховьях р. Хабур (левый приток Евфрата) до границы с Ираком, т. е. о современной провинции Хасеке. До Первой мировой войны эта территория входила в Мосульский вилайет, и установление новых границ разорвало ее традиционные связи с районами, оставшимися в составе Турции (Нисбин, Диярбакыр) и отошедшими к Ираку (Мосул). В то же время открытие Багдадской железной дороги связало Джазиру с Алеппо и Александреттой, но не с Дамаском. В отличие от регионов Латакия («Государство Алавитов») и Джебель Друз («Государство Друзов») Джазира никогда не имела автономного статуса в рамках французского мандата, и сирийские политики рассматривали ее как неотъемлемую часть своей территории, «кусок, который остался Сирии от огромной географически сирийской территории, от которой турки и англичане последовательно отхватывали важные зоны» [*Syrie* 1938, p. 22].

Перед Первой мировой войной на территории Верхней Джазире жили оседлые и полукочевые курды, а также преимущественно кочевые арабы-бедуины. Хотя французский мандат в Сирии был фактически установлен в июле 1920 г., в Джазире первый постоянный пост французских войск появился только в 1922 г. Это был военный лагерь у деревни Хасеке, впоследствии выросшей в новый город, ставший административным центром провинции [Pinon, 1938, p. 158]. Граница с Турцией была окончательно делимитирована только в 1929 г., и лишь после этого стало возможно полноценное хозяйственное освоение территории. Напротив древнего города Нисбин, оставшегося в Турции, стремительно вырос новый город Камышлы, ставший благодаря Багдадской дороге экономическим центром региона.

Жесткие расправы с христианами-ассирийцами в Турции и 1924 г. и в Ираке в 1933 г., а также курдское восстание в Турции в 1925 г. выталкивали в Сирию многотысячные потоки беженцев. Французы охотно расселяли в Джазире бежавших из Турции и Ирака ассирийцев, армян и тех же курдов, способствуя развитию земледелия, и к середине 1930-х гг. вчерашние беженцы составляли большинство жителей. В 1937 г. из 159 тыс. человек населения 42 тыс. (26,4%) составляли арабы-мусульмане, 82 тыс. (51,6%) – курды-мусульмане, 31 тыс. (19,5%) – христиане. Остальные были черкесами-мусульманами, курдами-езидами или евреями (ок. 1000 человек, преимущественно в г. Камышлы) [Longrigg, 1972, p. 288]. Оседлых арабов здесь изначально почти не было, лишь в годы мандата часть бедуинов по примеру соседей-курдов стала переходить к оседлости и земледелию, что поощрялось французами, но этот процесс порождал неизбежные конфликты за землю и воду. В городах жили лишь около 18% жителей региона, но именно там концентрировалось большинство христиан, которые (особенно армяне) составляли основную часть торгово-предпринимательской прослойки. Достижения мандатных властей широко рекламировались «колониальной партией»: регион был «прекрасной колонией, созданной Францией», настоящей «витриной» французского управления, создавшего на месте пустынь плодородные поля и цветущие города, где Франция была не колонизатором, а покровителем и защитником чудом уцелевших людей [Pinon, 1938, p. 157–160]. Учитывая перспективы получения Сирией независимости, заложенные в самом фундаменте мандатной системы, это не могло не создать почву для конфликта в будущем. В середине 1920-х гг. в Верхней Джазире были обнаружены признаки наличия нефти – на тот момент единственные нефтяные месторождения на территории,

подконтрольной Франции. Попытки начать добычу не увенчались успехом, но нефтяные запасы Джазиры рассматривались французскими колониялистами как едва ли не главный залог топливной независимости страны.

После заключения осенью 1936 г. франко-сирийского договора неарабское население Джазиры стало ощущать беспокойство за свое будущее. К этому моменту жители Джазиры раскололись на «юнионистов» (преимущественно арабы-мусульмане) и «автономистов», которых часто даже именовали «сепаратистами»³ (большинство остального населения). Соответствие между политической и этноконфессиональной принадлежностью не было строгим – встречались исключения как среди арабов, так и среди курдов и христиан. За пределами городов выбор позиции во многом определялся отношением к политике мандатных властей. «Выигравшие» от нее (преимущественно земледельцы) выступали за автономию и сохранение французского мандата, а «потерявшие» (кочевники и полукочевники) гораздо чаще поддерживали Национальный блок [Gorgas, 2010, р. 68–69]. Братьями Таро ситуация описывалась в самых драматичных тонах. Тысячи людей, избежавших резни в Турции и в Ираке, которым Франция дала шанс начать новую жизнь на территории своего мандата, теперь пребывали в страхе повторения прежних ужасов, на сей раз от рук арабов-бедуинов, которых готово было спровоцировать правительство в Дамаске [Tharaud 1938, р. 880–881].

Первые признаки беспокойства в Джазире проявились в первой половине 1936 г, когда сирийская делегация только готовилась начать переговоры с Францией. В феврале 1936 г. вожди двух курдских племен Джазиры Хаджо Ага и Махмуд-бей, а также христианский мэ́р г. Камышлы выступили с требованием административной и финансовой автономии региона с сохранением французского мандата при французском губернаторе и с назначением чиновников только из местных жителей [Khoury, 1987, р. 528]. Хаджо Ага, вождь племени *хаверки* (*харки*), был уже довольно известным курдским деятелем турецко-сирийского пограничья. В марте 1926 г. он в окрестностях Нисбина поднял восстание против турок, объединив около девяти племен. После поражения он бежал в Ирак и оттуда пытался установить контакт с французами. В 1929 г. он уже расположился со своим племенем на сирийской (т. е. французской) территории и своими вылазками сильно досаждал туркам. В это время шли трудные франко-турецкие переговоры об окончательной делимитации границы и судьбе сирийского участка Багдадской железной дороги. Французские власти по требованию турок время от времени призывали Хаджо Ага к порядку, но он не особенно их слушал и явно желал стать «единовластным хозяином верхней Джазиры» [Лазарев, 2005, с. 79, 81, 112, 135, 151–153]. Видимо, именно этот своеобразный авторитет и позволил ему в 1936 г. фактически возглавить автономистское движение в Джазире.

Партия Национальный блок сделала ставку на одного из вождей арабов-бедуинов племени Шаммар Дахама аль-Хади, ставшего лидером «юнионистов» Джазиры. Его антифранцузская (и, следовательно, просирийская) позиция объяснялась «религиозно-экономическими» причинами – наплывом в регион при поддержке французов состоятельных христиан из района Алеппо, которые скупали плодородные земли и могли вовсе «изгнать» с них мусульман [Gorgas, 2010, р. 70]. Националисты объявляли «автономистов» французскими агентами, поскольку те действительно готовы были обращаться за помощью к Франции. Главный раввин г. Камышлы летом 1936 г. отправился в Париж, где, упоая на

³ Термины «автономисты» и «сепаратисты» в источниках выступают как взаимозаменяемые, и применительно к нашей теме их можно считать синонимами, хотя в строгом смысле слова они, конечно же, не идентичны. Вслед за источниками (в особенности британскими) мы используем преимущественно термин «сепаратисты», но берем его в кавычки так как сторонники этого движения не были сепаратистами в строгом смысле слова. Они не требовали создания в Джазире отдельного полностью независимого государства, а лишь выступали за автономию региона в рамках французского мандата и сохранение в регионе французского военного и политического присутствия.

«общность религии» с премьер-министром Франции социалистом Л. Блюмом, пытался убедить его не включать Джазиру в будущую независимую Сирию [Khoury, 1987, p. 528–529.]. Эти усилия результатов не дали. Заключение франко-сирийского договора, парафированного в Париже в сентябре 1936 г., послужило толчком к развитию драматических событий в Джазире.

Для полноценного вступления договора в силу требовалась его ратификация сирийским парламентом, не собиравшимся с 1931 г. выборы проходили в два этапа – 14 и 30 ноября 1936 г. Национальный блок был единственной силой, сумевшей провести полноценную избирательную кампанию, и в большинстве случаев победу одержали его кандидаты. Джазира оказалась исключением – из пяти депутатских мест только одно занял поддержанный Блоком кандидат (Дахам аль-Хади), а остальные достались «автономистам». Таким образом население Джазире достаточно ясно высказало свое отношение к новому сирийскому государству. Собравшийся в Дамаске сирийский парламент сразу подтвердил мандат Дахама, но отказался это сделать в отношении остальных депутатов от Джазире. Этот вопрос вызвал первые серьезные волнения в регионе, и лишь когда Хаджо Ага пригрозил поднять восстание против новой власти, мандаты были подтверждены в апреле 1937 г. [Khoury, 1987, p. 528–529.].

С начала 1937 г. после возобновления полноценной работы парламентов и правительств Сирии и Ливана французские мандатные власти во главе с верховным комиссаром графом Д. де Мартелем фактически самоустранились от вмешательства во внутреннюю политику двух республик, довольствуясь ролью наблюдателей, однако специальные службы (*Services Spéciaux*)⁴ французской администрации и армейские офицеры не были столь пассивны. По словам британского консула в Алеппо Т. Уорда, французские военные в Джазире были «в ярости» из-за необходимости вскоре покинуть регион и «открыто предсказывали все виды бедствий после своего ухода» [RS, 2005, p. 24]. Уорд предполагал, что за уходом французов может последовать полный хаос и анархия, что может дать повод для вторжения соседней Турции, которая уже интриговала в регионе, и возможно, намеренно провоцировала мятеж. Французские военные, очевидно, хотели продемонстрировать недееспособность сирийского правительства, а затем в решающий момент самим навести порядок, но Уорд отказывался верить, что в расколе Сирии было заинтересовано руководство Франции, которое уже столкнулось с проблемой Александреттского санджака [RS, 2005, p. 25].

Проблемы в регионе действительно были во многом вызваны политикой Дамаска. Правительство Национального блока, стремясь к укреплению своей власти, с первых шагов взяло курс на административно-бюрократические и даже силовые методы. В феврале 1937 г. в Хасеке прибыл первый назначенный из Дамаска губернатор (*мохафез*) Баджат аль-Шишаби. Он опирался исключительно на местных «юнионистов» и часто отказывался даже принимать курдских и христианских лидеров. Спор из-за наследования титула шейха одного из бедуинских племен, в котором губернатор вопреки традиционному порядку поддержал претензии Дахама аль-Хади, уже в середине лета вылился в первые выступления с требованиями отставки Б. аль-Шишаби и назначенных им администраторов на местах. Вскоре они переросли в открытое курдо-христианское восстание [Khoury, 1987, p. 528–530]. Одним из вдохновителей этого движения стал сиро-католический (униатский) епископ г. Хасеке Хибби, который имел прямую связь с французской «колониальной партией» через

⁴ Во многих источниках и литературе эти «Специальные службы» фигурируют именно под таким названием. Насколько можно судить, они совмещали функции контрразведки и политической полиции. Речь идет, очевидно, об офицерах, подчиненных Директору службы общей безопасности армии и генеральному инспектору полиции (*Directeur de la Sureté Générale aux Armées, Inspecteur Général des polices*). Во второй половине 1930-х гг. эту двойную должность во французском Верховном комиссариате в странах Леванта занимал Франсуа Коломбани.

своего непосредственного руководителя – сиро-католического патриарха и архиепископа Алеппо кардинала Таппуни [Longrigg, 1972, p. 248].

1 июля 1937 г. в деревне Топос прошел созданный «некоторыми нотаблями» конгресс, участники которого потребовали отставки *мохафеза*, назначенного им *каймакама* г. Камышлы и начальника жандармерии. *Мохафез* усилил наряды полиции в городах и приказал арестовать «сепаратистского» мэра г. Хасеке Абдель Ахмада Карио. В ответ 5 июля «вооруженные до зубов мятежники» захватили правительственное здание в Хасеке, а дом, который занимал *мохафез*, был обстрелян из соседних окон. За три дня (5–7 июля) только в Хасеке было убито семеро сирийских жандармов. Для восстановления порядка в город были введены французские войска⁵ [Syrie 1938, p. 23]. Аналогичные события произошли в Камышлы, Рас эль-Айне, Айн Диваре, и Дербассие. *Мохафез* вместе с другими чиновниками бежал в Дамаск [Syrie 1938, p. 23]. Для восстановления своей власти он обратился к бедуинам во главе с Д. аль-Хади. В дело вмешались офицеры французских спецслужб (*Services Spéciaux*), которые смогли добиться временного «перемирия», но уже 14 июля начались столкновения между бедуинами во главе с Д. аль-Хали и курдо-христианскими отрядами. «Сепаратисты» брали под контроль города и деревни, формировали там свои комитеты, которые начали издавать распоряжения, улаживать споры и преследовать сторонников «законной» сирийской власти (по словам сирийского автора, их избивали или публично раздевали) [Syrie 1938, p. 24]. Уже летом 1937 г. Дамаск практически утратил контроль над провинцией.

Сирийское правительство направило в Джазиру комиссию для расследования причин беспорядков. «Автономисты» выдвинули перед ней все те же требования – сохранение в регионе французских войск и представителя французского верховного комиссара, назначение *мохафеза* и других должностных лиц только из числа местных жителей, амнистию всем участникам выступлений. Члены комиссии сочли эти требования «смешными и фантастическими». Жители Джазире объявили комиссии бойкот [RS, 2005, p. 28–29], и она вернулась восвояси и впоследствии выпустила отчет, где вина за беспорядки возлагалась на «махинации иностранной державы» [RS, 2005, p. 36].

Хотя волнения в Джазире (как и в других регионах, населенных меньшинствами) явно соответствовали интересам «колониальной партии» и, по практически всеобщему убеждению, подогревались французскими «Специальными службами», правительство Третьей республики на этом этапе демонстрировало свою приверженность букве и духу договоров с Ливаном и Сирией. Французская мандатная администрация формально встала на сторону сирийского правительства. Верховный комиссар Д. де Мартель выступил со специальной декларацией. Он признал, что недовольство жителей Джазире было «частично объяснимо», но утверждал, что их реакция «вышла за рамки вызванного раздражением локального движения». Ему особенно не понравилось, что «автономисты» направляли претензии во французский МИД и в Лигу Наций, отвлекая эти почтенные учреждения от более важных дел. Все жалобы следовало направлять лично ему, так как интересы меньшинств всегда были предметом его неустанной заботы. Они гарантировались конституцией Сирии и текстом договора, и Франция готова была следить, чтобы эти условия добросовестно исполнялись. Де Мартель выражал надежду на прекращение волнений, чтобы не допустить использования этих инцидентов «внешними силами» и ссылаясь на авторитет «духовного

⁵ В источнике не указано, о каких именно войсках идет речь. Французские войска в Леванте состояли из двух примерно равных по численности категорий – «Специальные войска», набранные из местных жителей, преимущественно представителей разного рода меньшинств под командованием французских офицеров, а также «Колониальные войска», в которых рядовой и унтер-офицерский состав состоял из выходцев из Магриба и Тропической Африки («сенегальцы»), а офицерами также были французы.

лидера» сепаратистской партии кардинала Таппуни, который выступал против «экстремизма» некоторых своих сторонников [*Correspondence d'Orient*, VIII, 1937, p. 373–374]. Как мы увидим далее, де Мартель, мягко говоря, неточно истолковал настроения кардинала.

В конце июля «юнионисты» попытались перейти в «наступление». Бедуины Дахама аль-Хали блокировали Хасеке и Камышлы, объявив их жителей «предателями арабского дела». Дахам получил из Дамаска партию оружия и деньги, и 25 июля провозгласил *джихад* против местных христиан. Начались вооруженные стычки между «юнионистами» и «сепаратистами». Самое важное событие произошло 9 августа 1937 г. Одно из курдских «юнионистских» племен, союзников Дахама, ворвалось в большую деревню Амуда недалеко от Камышлы и учинило погром христианского населения. По первоначальным данным погибло около 15 человек и около 50 были серьезно ранены. По странному совпадению накануне в Джазире на четырех новеньких автомобилях из Дамаска вернулись несколько «просирийских» арабских вождей. Впоследствии данные о жертвах разнились – называли цифру в 25, 50 и даже 150 человек. Вскоре нападавшие были выбиты из Амуды бедуинским отрядом во главе с одним из личных врагов Дахама [RS, 2005, p. 530–531]. Французы в качестве карательной меры подвергли воздушной бомбардировке несколько соседних курдских деревень, что унесло жизни еще около 30 человек. После этого французские войска взяли под защиту города Джазире. «Сепаратисты», почувствовав французскую поддержку, вскоре установили контроль почти над всеми населенными пунктами региона. «Дамасские» чиновники изгонялись или как минимум бойкотировались [Khoufy, 1987, p. 531–532]. Избранные от Джазире «автономистские» депутаты сирийского парламента, хоть и декларировали лояльность центральному правительству, на деле требовали для своего региона столь широкой автономии, что она мало чем отличалась от полной независимости.

Сирийские власти отрицали свою причастность к расправе в Амуде и отправили на место все ту же комиссию по расследованию, но она была сразу же изгнана, а два входивших в нее депутата парламента были ранены. Спустя год в сирийской публикации события лета 1937 г. были представлены как «мятеж» кучки бандитов против законного правительства, якобы поддержанного большинством населения провинции [Syrie 1938, p. 24–26]. События в Амуде вызывали ассоциации с судьбой христиан Ирака после обретения им независимости и были широко использованы в пропаганде «колониальной партии». Французские публицисты указывали, что сирийское руководство даже не пыталось разыскать и наказать виновных, а дамасские газеты прославляли погромщиков, заявляя, что участь христиан Амуды ждет всех врагов единства Сирии [Pinon, 1938, p. 160].

В августе и сентябре 1937 г. ситуация оставалась беспокойной. Большое возмущение в регионе вызвало найденное в кабинете бежавшего *мохафеза* письмо от одного из лидеров Национального блока Ф. аль-Баруди, где тот прямо говорил, что новой власти следует только подождать полного окончания мандата, чтобы свести счеты с христианскими активистами [RS, 2005, p. 49–52]. В начале октября сирийские власти в Хасеке выписали ордера на арест «сепаратистских» лидеров, что вызвало возмущение и однодневную забастовку в городе. Тем временем возле г. Дерик «просирийские» бедуины племени Шаммар напали на грузовик, принадлежавший компании, которая по заказу французов вела разведку нефти. Были серьезно ранены водитель и его помощник [RS, 2005, p. 47–48].

В сентябре 1937 г. Джазире посетил граф С. Остророг, исполнявший обязанности делегата верховного комиссара в Дамаске. Это был самый высокопоставленный французский чиновник в Сирии, до заключения договора – по сути французский наместник (резиденция Верховного комиссара находилась в Бейруте). Теперь, однако, его функции фактически свелись к консульским. В Джазире графа встретили как полноправного представителя Франции. «Автономисты» рассчитывали на его поддержку, но позиция Остророга оказалась

двойственной. В беседе с британским консулом в Дамаске Г. Мак-Керетом он уверенно возлагал вину за беспорядки в Джазире на сирийскую сторону, – их вызвали неуклюжие действия первого *мохафеза*, который не смог наладить контакт с офицерами французских специальных служб. Инцидент в Амуде граф связывал также и с турецкими интригами. Турецкие власти дали убежище виновным в погроме курдам, надеясь так «заслужить доверие» своего курдского населения, отношения с которым у них были откровенно плохими. На христианских лидеров Джазиры, по словам Остроорога, погром произвел особо тягостное впечатление: «Если инцидент в Амуде мог произойти, когда французские войска еще в Джазире, какой будет судьба меньшинств, если французов не будет поблизости?». Эти слова предельно точно соответствовали и настроениям французской «колониальной партии». Однако граф не стал излишне обнадеживать этих «христианских лидеров». Речи о французском губернаторе быть не могло, так как Франция не смогла бы поддерживать его власть в 600 километрах от моря. Христианам Джазиры предстояло смириться с ролью меньшинства в мусульманской стране, а Франция могла дать им только те гарантии, которые были прописаны в договоре. Если христиане не могли «переварить» сирийское правительство, им оставалось только испробовать на себе турецкое по другую сторону границы [RS, 2005, р. 39–42]. Такие слова звучали почти как издевательство, но отражали реальность: официальная позиция Франции все еще базировалась на необходимости сотрудничества с правительством Национального блока.

«Сепаратистам» пришлось временно смириться с присутствием в регионе сирийских администраторов [RS, 2005, р. 50–51]. Это согласие, однако, не было безусловным. Управление Джазирой «до окончательного решения вопроса» должно было оставаться «под контролем французских властей». Представители «сепаратистов» соглашались признать назначенных из Дамаска *мохафеза* и *каймакама*, «поскольку они выбраны французскими властями», а также глав некоторых служб «которые не могут быть заменены жителями нашего региона». Все же остальные чиновники, а также жандармы и полицейские, должны были быть местными уроженцами. Также выдвигалось требование амнистии всем «сепаратистам» и, напротив, тщательное расследование событий в Амуде и наказание виновных. Французские власти должны были взять на себя роль арбитра во всех возможных спорах и конфликтах в регионе [*Correspondence d'Orient*, VIII, 1937, р. 470]. Сотрудники британского Форин Офис, комментируя сообщение от консула в Алеппо о событиях в Амуде, сошлись во мнении, этот что инцидент давал Франции прекрасный повод для затяжки ратификации франко-сирийского договора, а значит и предоставления независимости Сирии [RS, 2005, р. 43–44].

В это время перспективы самой Сирийской Республики становились все более туманными. Договоры 1936 г. так и не были внесены на ратификацию в Национальное собрание Франции. После падения в июле 1937 г. кабинета Л. Блюма вероятность того, что это вообще произойдет, стала стремительно падать. Франция, вынужденная от кризиса к кризису уступать агрессивным державам «Оси» в Европе, принужденная фактически расстаться в пользу Турции с Александреттским санджаком, стремилась удержать Сирию и Ливан, отказавшись от подписанных «марксистами» договоров. Бурные события в Джазире наряду с Александреттским вопросом в конце 1937 – начале 1938 г. в дали возможность «колониальной партии» привлечь широкое внимание к «угрозам», которые нес с собой возможный отказ Франции от мандата на Сирию.

Прекрасным поводом для такой кампании стал визит в Европу сиро-католического патриарха кардинала Игнатия-Габриэля Таппуни. Его сопровождал епископ Хибби, патриарший викарий Верхней Джазиры и один из организаторов «сепаратистского» движения. Таппуни посетил Рим, где был принят папой Пием XI, и 8 ноября прибыл в Париж.

На вокзале его встречал почетный караул и не менее 11 официальных лиц (представители Президента Республики, МИД, военного министерства, католической церкви и т.п.) [*Correspondence d'Orient*, XII, 1937, p. 550]. 15 ноября Таппуни «имел длительную беседу» с главой МИД И. Дельбосом. На следующий день сирийский прелат был удостоен почти королевских почестей: торжественная встреча с фанфарами и прием в парижской Ратуше, где в честь «его высокопреосвященнейшего блаженства» произносили речи председатель муниципалитета и префект департамента Сены. Кардинал в ответ рассыпался в комплиментах в адрес Парижа («маяка, который нам светит») и Франции, которой христиане Сирии «счастливы принадлежать». Прослушав концерт военного оркестра и расписавшись в Золотой книге почетных гостей Ратуши, кардинал отправился в Елисейский дворец, где снова был встречен почетным караулом и принят Президентом Республики А. Лебреном. Был дан торжественный обед с участием дипломатов, церковных иерархов и генерала А. Гуро – военного коменданта Парижа, в прошлом первого верховного комиссара Франции в Леванте. Католическая газета «Круа» поместила подробный репортаж об этом событии с большим портретом Таппуни на первой полосе [*La Croix*, 17.11.1937]. За всей этой помпой стояли усилия «колониальной партии» привлечь внимание к судьбе христиан Сирии, еще раз подчеркнуть их традиционную связь с Францией – «старшей дочерью Церкви» и добиться пересмотра или даже отмены франко-сирийского договора.

Реальная ситуация, однако, далеко не во всем соответствовала этому антуражу. Таппуни начал сложные переговоры с заместителем секретаря МИД Ф. де Тессаном и убедился, что «моральные» обязательства Франции трансформируются в «материальные» лишь в той мере, в какой это выгодно самой Франции. В своем меморандуме от 23 ноября Таппуни выражал беспокойство из-за недостаточных гарантий для национальных меньшинств, предусмотренных во франко-сирийском договоре. В случае новой «резни» Франция смогла бы действовать только дипломатическим путем через Лигу Наций, тогда как реальную защиту могло обеспечить только быстрое вмешательство французских консулов на местах, а при необходимости – французских войск, как это было в 1860 г. Таппуни напоминал о событиях в Амуде 9 августа, которые, по его словам, стоили жизни 50 христианам. Кардинал представил длинный список требований, выполнения которых Франция должна была добиться от Сирии до ратификации договора: принятие законов о равенстве граждан Сирии всех исповеданий, включая право на смену религии (совершенно недопустимое для мусульман с точки зрения шариата); закрепление за христианами «квоты» при занятии должностей по образцу Ливана; назначение французских служащих для контроля за исполнением сирийской стороной своих обязательств; защиту «французских интересов», необходимых для жизни христианского меньшинства (школы, госпитали и т. п.); содержание в Верхней Джазире, а также в других местах, где была угроза для христиан, «необходимых средств» для их защиты (т. е. военных или полицейских подразделений); проведение административной децентрализации; заключение конкордата между Сирией и Ватиканом о защите интересов католиков. В сопроводительной записке к меморандуму Таппуни прямо спрашивал, готова ли будет Франция после вступления в силу договора к немедленному военному вмешательству для защиты жизней и имущества сирийских христиан в случае угрозы «резни». Ф. де Тессан ответил весьма уклончиво: Франция подтверждала свои обязательства по защите меньшинств в Сирии, но если во время мандата она делала это напрямую, то после вступления в силу договора она будет действовать «косвенно», но при этом сохранит за собой «эффективные и надежные средства, к которым она будет прибегать по своей собственной инициативе» [*Oriente Moderno*, VII, 1938, p. 329–333]. Как видим, Париж не собирался удовлетворять экстравагантные требования сирийского кардинала, что потребовало бы серьезного увеличения французского военного присутствия в Джазире

и дополнительных расходов, не говоря о уже политических последствиях. Религиозные меньшинства Сирии были нужны Парижу не для того, чтобы с их помощью управлять периферийными районами страны, а чтобы использовать их для политического давления на правительство в Дамаске.

Визит Таппуни в Париж дал повод для уже упомянутой печатной полемики вокруг будущего Сирии. Сирийские националисты старались «развенчать» Таппуни, указывая, что возглавляемая им сиро-католическая община составляла не более 2,5% населения Джазире [Syrie 1938, p. 25], а братья Таро, выражая позицию «колониальной партии», подчеркивали, что Таппуни представлял всех неарабских жителей региона [Tharaud, Tharaud, 1938, p. 883]. Характерно, что в конце статьи братья выдвинули три условия пересмотра франко-сирийского договора, ни одно из которых не касалось положения меньшинств: создание французской военно-морской базы в Бейруте (для чего был необходим французский контроль за взаимосвязями между Ливаном и Сирией); подтверждение привилегии французского «Банк де Сири» как эмиссионного центра Сирии; предоставление Франции исключительной нефтяной концессии [Tharaud, Tharaud, 1938, p. 886–887].

Атмосфера, созданная визитом Таппуни и драматическими событиями в Джазире, ставила под вопрос перспективы договора, а значит и сирийской независимости. Она была в полной мере использована тем же Ф де Тессаном в переговорах с сирийским премьер-министром Дж. Мардамом, который в ноябре 1937 г. спешно прибыл в Париж в надежде спасти будущее договора. 11 декабря он заключил с французским МИД новое соглашение, оформленное в виде обмена письмами. Оно оговаривало более строгие обязательства Сирии по защите меньшинств и гарантировало Франции монополию на «техническую помощь» стране. Позже Мардаму пришлось пойти и на новые уступки – в феврале 1938 г. была продлена концессия «Банк де Сири» на денежную эмиссию, начались переговоры о французской нефтяной концессии в Джазире [Longrigg, 1972, p. 233–234, Khoury, 1987, p. 487–488].

Поездка Таппуни в Париж ненадолго успокоила страсти в Джазире. Лидеры «автономистов» ожидали от нее новых гарантий для меньшинств в Сирии и серьезных изменений в условиях договора, но остались недовольны результатами, главным образом из-за секретности парижских переговоров и их итогов [RS, 2005, p. 253]. Жители городов воздерживались пока от открытых действий, но бойкотировали сирийские власти и все их распоряжения. Уже 21 декабря 1937 г., христианские «повстанцы» похитили нового *мохафеза* провинции, назначенного из Дамаска [RS, 2005, p. 267–268]. Хотя чиновника через три дня отпустили целым и невредимым, сирийское правительство потребовало от Франции не только наказания виновных, но и отстранения нескольких офицеров спецслужб за «попустительство» актам насилия и саботажа против сирийских властей [Khoury, 1987, p. 531–532]. Эти требования в основном были проигнорированы. Дело ограничилось арестом и отправкой в Дамаск непосредственных участников похищения, которые тут же превратились в «национальных героев» в Джазире. Когда сирийский министр внутренних дел решил в самом конце декабря посетить Хасеке, ему уже через час пришлось бежать из города под охраной французов. Вскоре в том же Хасеке французы обнаружили тайник с двумя сотнями винтовок и семью ящиками с патронами, предположительно направленных из Дамаска местным «просирийским» курдам для нападений на христиан [RS, 2005, p. 267–268].

В марте 1938 г. из Дамаска в Хасеке прислали уже третьего за год *мохафеза* – Хайдара Мардама, двоюродного брата премьер-министра. Поначалу его встретили благоприятно, надеясь, что он сможет быстро и точно доносить нужды жителей до своего кузена, но же через месяц он был вынужден покинуть регион из-за бойкота и забастовки. Торговцы,

например, отказывались продавать его чиновникам даже самые необходимые вещи [RS, 2005, р. 273]. К лету 1938 г работа центральной администрации в провинции снова была практически парализована. В Дамаске некоторые «наименее ответственные» депутаты парламента прямо призывали покончить с сепаратизмом в Джазире путем расправы над местными христианами [RS, 2005, р. 273–274]. Однако пока силовые структуры Сирии подчинялись Франции, такой сценарий не мог быть реализован, и у «сепаратистов» было явное преимущество. В конце июля в окрестностях Амуды состоялось собрание более 200 «сепаратистов», участники которого повторили прежние требования, включая сохранение на постоянной основе французских войск в провинции (вопреки договору, который предусматривал их эвакуацию через 5 лет). В случае отказа они угрожали перестать платить налоги в сирийскую казну [Khoury, 1987, р. 532–533]. К этому времени «сепаратисты» создали свои органы власти, которые работали гораздо эффективнее чиновников, назначенных из Дамаска. В сентябре 1938 г. в Хасеке состоялся «Генеральный конгресс Джазиры» под председательством Хаджо Ага, который принял обращение к французскому МИД с требованием предоставить самоуправление провинции [Longrigg, 1972, р. 250]. На сей раз французское правительство готово было прислушаться к этим требованиям, но не готово было настаивать на них, ставя под угрозу более важные вопросы.

С августа 1938 г. Дж. Мардам опять находился в Париже и вел во французском МИД долгие переговоры, делая уступку за уступкой в том, что касалось нефти, статуса эмиссионного банка и прав меньшинств. В одном вопросе Мардам оставался непреклонен – автономия Джазиры. Французские требования установить в регионе совместное франко-сирийское управление были абсолютно неприемлемы для сирийского «общественного мнения». По словам Мардама, создание такого режима «не могло не предоставить новый предлог для притязаний Турции, аппетит которой разгорелся из-за быстрого успеха в Хатае (Александретте – А.Ф.), а также из-за расчленения Чехословакии». Схожих притязаний можно было ожидать и от Ирака. Однако Мардам не возражал, чтобы при назначенных из Дамаска властях Джазиры постоянно находился французский советник. Э. Лагард, глава департамента Африки и Ближнего Востока в МИД Франции, считал, что эти аргументы «не лишены оснований». Он предлагал пойти в этом на уступки Мардаму, чтобы добиться его согласия на остальные требования. Лагард ссылаясь на мнение Д. де Мартеля, который советовал не добиваться для Франции особых прав в отдельном регионе, а сосредоточиться на возврате под свой контроль важнейших полномочий, которые ранее были переданы Сирии. [DDF, 1977, р. 445].

Как видим, и в этот раз требования «сепаратистов» Джазиры служили для Парижа «разменной монетой» для более важной игры. Можно констатировать, что сделка состоялась. 14 ноября 1938 г. Дж. Мардам подписал с главой МИД Ж. Бонне дополнительное соглашение, которое, подтверждая все сделанные ранее уступки (в т. ч. банковскую и нефтяную концессии), гарантировало сохранение французских войск в Сирии на 25 лет (а не на 5, как ранее), а также обеспечивало приоритет изучения французского языка в сирийских школах. В Джазиру от имени сирийского министерства внутренних дел должен был направляться в помощь губернатору французский советник. Э. Лагард в пояснительном письме к соглашению подчеркивал, что такие советники при различных ведомствах Сирии, позволят сохранить за Францией «важнейшие рычаги управления» [DDF, 1978, р. 638–639]. Таким образом, Дж. Мардам смог отстоять унитарный характер сирийского государства, но был вынужден пойти на серьезные уступки в вопросах его суверенитета ради главной цели – ратификации и вступления в силу франко-сирийского договора. Ж. Бонне, в свою очередь, согласился считать днем окончания переходного периода 30 сентября 1939 г. и обещал в ближайшее время вынести вопрос о ратификации договора на голосование в Национальном Собрании Франции [Khoury, 1987, р. 489].

Своего обещания Бонне не выполнил. По мере роста угрозы новой войны в Европе сирийский вопрос в целом и, в частности, вопрос о судьбе Джазиры становился неотделимым от более широкого международного контекста. Мюнхенские соглашения, завершившие Чехословацкий кризис 1938 г., значительно ускорили развитие событий на Ближнем Востоке. В первую очередь речь шла о взаимоотношениях Франции с Турцией, открыто претендовавшей на Александреттский санджак (Хатай) и, как многие думали, имевшей скрытые планы на другие территории Сирии, в частности, Алеппо и Джазиру.

Все сделанные сирийским правительством уступки оказались недостаточными французским колониалистам. Под их давлением и в декабре 1938 г. последовал отказ Франции от ратификации договора, а значит и новый виток конфронтации с «националистами». Очередной подъем «сепаратистского» движения в Джазире в начале 1939 г. был использован французскими властями для окончательного подрыва авторитета Сирийской республики и Национального блока. В то же время Франция не могла себе позволить предоставления реальной автономии Джазире, так как существовали серьезные подозрения, что свои планы на эту провинцию имела соседняя Турция, и Джазира могла повторить судьбу Александретты. Гордиев узел противоречий был 2 июля 1939 г. «разрублен» волевым решением нового верховного комиссара Г. Пюо, распускавшим сирийский парламент и правительство. Джазира формально не отделялась от Сирии, но сирийского *мохафеза* там теперь заменял французский офицер [Риаух, 1962, р. 44]. Тем самым главное требование «сепаратистов» практически удовлетворялось. Поскольку сама Сирия при этом также фактически возвращалась к колониальному статусу, «спокойствие» во Французском Леванте накануне войны для Парижа было обеспечено. Дальнейшие его судьбы зависели от хода и исхода мирового конфликта.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS:

DDF – Documents diplomatiques français.

RS – Records of Syria.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Лазарев М.С. *Курдистан и курдский вопрос. 1923–1945*. М.: Восточная литература, 2005 [Lazarev M.S. *Kurdistan and the Kurdish Question. 1923–1945*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2005 (in Russian)].

Ранчинский В.П. Этноконфессиональные меньшинства Сирии и проблема национального единства в 20–30-е годы. *Проблемы отечественной и всемирной истории: Сб. науч. трудов*. Брянск, 1998. С. 169–181 [Ranchinskiy V.P. Ethno-Confessional Minorities in Syria and the Problem of National Unity in the 1920–30s. *Problems of National and World History: Collection of Academic Works*. Bryansk, 1998. Pp. 169–181 (in Russian)].

Andrew Ch.M., Kanya-Forster A.S. The French Colonial Party and the French Colonial War Aims. *The Historical Journal*. Vol. 17. No. 1. March 1974. Pp. 79–106.

Correspondence d'Orient. 1937.

De Wailly H. *Liban, Syrie le mandat*, 1919–1940. Paris: Perrin, 2010.

Documents diplomatiques français. Ser. 2. 1936–1939. T. 11. Paris: Imprimerie Nationale, 1977 (DDF).

Documents diplomatiques français. Ser. 2. 1936–1939. T. 12. Paris: Imprimerie Nationale, 1978.

Gorgas J.T. Un territoire de marge en Haute Djézireh Syrienne (1921–1940). *Études rurales. No. 186, Ruralité, urbanité et violence au Kurdistan*. Juillet-décembre 2010. Pp. 61–76.

Khoury Ph.S. *Syria and the French Mandate*. London: I. B. Tauris, 1987.

Longrigg S.H. *Syria and Lebanon under French Mandate*. New York: Octagon Books, 1972.

Memoriale del Cardinale Tappouni al Ministero degli Esteri sulla protezione delle minoranze siriane e risposta del Sottosegretario de Tessan. *Oriente Moderno*. No. 7. 1938. Pp. 329–333.

France, Syrie et Liban, 1918–1946. Les ambiguïtés et les dynamiques de la relation mandataire. Ed. N. Méouchy. Paris: Presses d'IFPO, 2002.

Pinon R. Le Proche-Orient après la signature des traités franco-syrien et franco-libanais. *Affaires étrangères*, 1938. No. 3. Pp. 149–165.

Puau G. *Deux années au Levant. 1939–1940*. Paris: Hachette, 1962.

Records of Syria, 1918–1973. London: Archive Editions, Vol. 6. 2005.

Syrie 1938. La situation en Syrie après la conclusion du traité franco-syrien. Réponse aux campagnes de M.M. Jérôme et Jean Tharaud. Damas, 1938.

Tharaud Jérôme, Tharaud Jean. *Alerte en Syrie*. Paris: Plon, 1937.

Tharaud Jérôme, Tharaud Jean. Syrie 1938. *Revue des deux mondes*. 1938. Vol. 44. No. 4. Pp. 872–890

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ФОМИН Александр Михайлович – кандидат исторических наук, доцент Исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Alexander M. FOMIN, PhD (History), Associate Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.